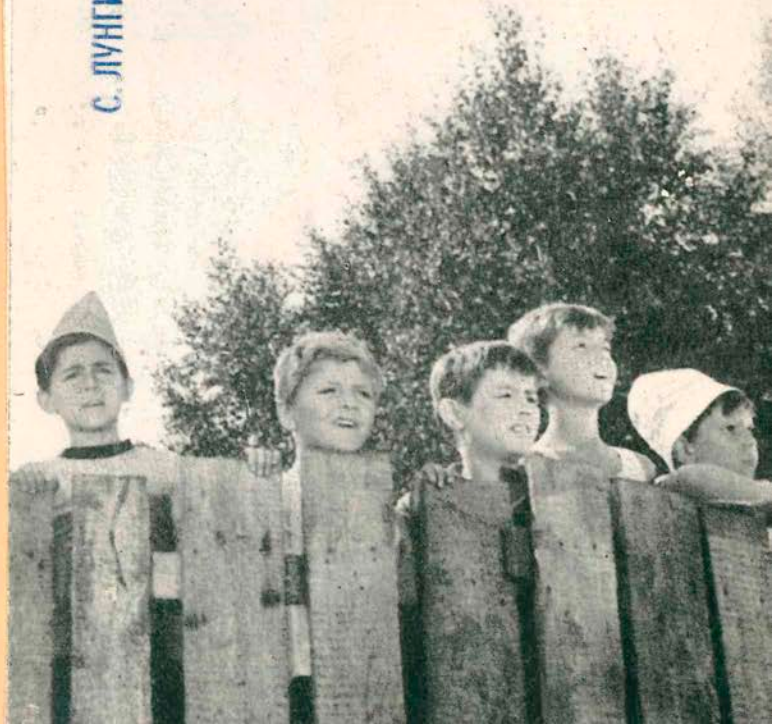

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

С. ЛУНГИН, И. НУСИНОВ

ИЛЬЯ ИСААКОВИЧ НУСИ-
НОВ родился в Киеве в
1920 году. Учился в Военно-
воздушной академии имени
Жуковского. После окончания
академии был на фронте, слу-
жил старшим техником эскад-
рильи в авиационных частях
3-го Украинского фронта.

Первые послевоенные годы
И. Нусинов работал в научно-
исследовательском институте,
потом на заводе «Манометр».

Литературной работой И. Ну-
синов начал заниматься с
1954 года. Вместе с С. Лун-
гиным он написал пьесу «Моя
фирма», которая была постав-
лена Московским драматичес-
ким театром имени Станислав-
ского и Ленинградским дра-
матическим театром имени
Комиссаржевской. В 1958 году
Московским театром сатиры
была поставлена вторая пьеса
тех же авторов — «Дым без
огня».

Киносценарии «Мичман Па-
нин», «Тучи над Борском»,
«Без страха и упрека», как и
последний сценарий «Добро
пожаловать или Посторонним
вход воспрещен», Нусинов на-
писал также в содружестве с
С. Лунгиным.

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

СЕМЕН ЛУНГИН, ИЛЬЯ НУСИНОВ

**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
или
ПОСТОРОННИМ ВХОД
ВОСПРЕЩЕН**

Кинокомедия

Издательство „Искусство“
Москва 1964

*Взрослым, которые были детьми,
и детям, которые обязательно
станут взрослыми.*

Арку венчает красное полотнище: «Добро пожаловать!» А чуть ниже прибита железка: «Посторонним вход воспрещен». Мы въезжаем под арку. С внутренней стороны на железке написано: «Самовольный выход не разрешается».

За аркой — главная аллея. Она широка, посыпана мелким гравием, когда идешь по ней, гравий хрустит, и всем слышно, что по главной аллее кто-то идет.

По обе стороны аллеи — бордюры из цветов. Его прерывают установленные на равном расстоянии цементные постаменты. На каждом постаменте — гипсовая скульптура. Под каждой скульптурой на фанерке — название.

Все скульптуры стоят парами: справа пионер с горном и слева пионер с горном, справа барабанщик и слева барабанщик. Под бара-

банщиком написано «Тревога», под пионером с горном — «Призыв». Дальше стоят пионер с голубем («Миру мир!»), пионер с рюкзаком и поднятой ногой, будто он взбирается на гору («К вершинам!»), пионер с натянутым луком («В цель»). А затем — снова пионер с горном, пионер с барабаном и так далее до самой трибуны с флагштоком, где по утрам начальник лагеря и старший пионервожатый принимают рапорты и произносят речи.

— Наш пионерский лагерь расположен в высшей степени на неудачном месте, — слышим мы голос Кости Иночкина и, словно коршун воспарив над землей, озираем лагерь с птичьего полета. — Слева сосновый бор без конца, без края — того и гляди кто-нибудь заблудится, справа река, подковой охватывающая всю территорию, — того и гляди кто-нибудь утонет. Не говоря уже про малинники в оврагах — того и гляди кто-нибудь обьестся! В общем, за нами нужен глаз да глаз...

Камера камнем упала вниз и крупнейшим планом выхватила напряженно глядящий глаз. В зрачке отражалась река, точнее — та ее часть, что была предназначена для купания пионеров и была огорожена толстыми канатами.

Канаты шли от берега до буя, потом параллельно берегу к другому бую и снова к берегу.

Человек, которому принадлежал этот напряженный глаз, был атлетического сложения.

Торсом, бицепсами и неподвижностью позы он напоминал Атланта, вроде тех, что украшают доходные дома конца прошлого века.

У другого буя в столь же напряженной позе стоял второй Атлант совсем не атлетического сложения, с длинной шеей и костистыми, покрытыми гусиной кожей плечами.

Глаз да глаз — точнее, пара глаз да пара глаз — наблюдали за кишачими в воде телами. Тел было не так уж много, но акватория столь мала, что казалось — вода кипит.

— Это наш физкультурник. (*Камера остановилась на атлетическом торсе.*)

Да не этот... Это завхоз. А физкультурник тот... (*Камера поспешно перескочила на длинношеего.*) Ребята зовут его Гусем. Летом он работает физкультурником, а зимой учится на скульптора-монументалиста, и все эти пионеры вдоль аллеи — дело его рук.

Последние песчинки проскочили через узкую горловину песочных часов, и пожилая женщина в белом халате, надув щеки, что было сил свистнула в четырехтрубчатый судейский свисток.

...Атланты дрогнули и двинулись к берегу. И удивительным образом вода за ними очищалась от детей. Ни одна голова не оставалась за той незримой чертой, что соединяла двух Атлантов. Впрочем, скоро черта эта стала вполне зримой. А потом и вовсе превратилась в волейбольную сетку, прикрепленную концами к двум шестам. За эти-то шесты завхоз и физкультурник по прозвищу Гусь вы-

волакивали на берег сетку, словно рыбаки невод.

Выдворив всех купальщиков на сушу, Атланты побили себя по ляжкам, как извозчики в стужу (а день, к слову, был очень жаркий), и вернулись на исходные рубежи.

— Третий отряд, в воду! — скомандовала докторша и, свистнув, перевернула песочные часы.

Ребята с воплем ринулись в реку. Вода снова закипела. На берегу осталась длинная шеренга тапочек.

Вожатая Валя и дежурная по отряду Митрофанова тут же принялись пересчитывать ребят: вожатая — по головам (что было почти невозможно), а дежурная — по тапочкам (что было значительно легче — тапочки стояли на месте, а головы, как поплавки, когда клюет, то скрывались под водой, то выскакивали вновь).

— Пятьдесят три штуки, — закончила подсчет Митрофанова и, с трудом протолкнув мысль сквозь зной, растерянно произнесла: — Двадцать шесть с половиной пионеров.

Но, спохватившись, что результат нелеп, поспешно принялась пересчитывать.

И по мере того как пересыпался песочек, вожатая Валя, пересчитывавшая головы, и дежурная Митрофанова, пересчитывавшая тапочки, все убыстряли и убыстряли темп.

С другого берега купались деревенские. Они брызгались, меряли дно, хватали друг друга за ноги — словом, вели себя крайне безобразно. Потом вдруг вскочили и, словно

стая мальков, устремились наперегонки куда-то на середину реки.

— Вот увидите, — сказала одна из вожатых, — эти деревенские нам всю дисциплину подорвут.

— Дисциплина что, — сказала докторша. — На том конце деревни, говорят, коклюш был. Надо всячески оберегать наших от контактов.

Вожатые согласно закивали.

— Я с ужасом жду воскресенья, — продолжала докторша. — Мало того, что приедут бациллоносители из города, не миновать еще и бациллоносителей из деревни. И зачем только товарищ Дынин затеял этот карнавал?

— Точно, — подтвердила длинноногая вожатая, отработывая босыми ногами на траве движения чарльстона. — И без маскарада хватает.

— Что и говорить, — серьезно сказала Валя. — Куда лучше, если бы лагерь был расположен на необитаемом острове...

Докторша сочувственно склонила голову.

— ...разумеется, не окруженном водой, — насмешливо закончила Валя.

— Что? — опешила докторша.

Но тут докторша заметила, что песочек давно пересыпался, и истошно засвистела. Посиневшие Атланты двинулись к берегу. Валя быстро считала по головам выходивших из воды ребят.

— Господи, — сказала она. — Можно голову потерять.

— Что случилось? — обеспокоилась докторша.

— Одну голову потеряли.
— Наденьте тапочки! Пусть все наденут тапочки! — закричали вожатые.

Вмиг тапочки были разобраны.

Лишь одна пара сиротливо осталась стоять на траве.

Докторша подняла тапочек. На внутренней стороне чернильным карандашом было написано: «Иночкин Костя, 3-й отряд».

Перепуганные Атланты суетливо выбирали волейбольную сетку. Вздох ужаса пронесся по шеренге вожатых: посреди сетки зияла дыра.

— Вырвался! — дрожащим голосом сказал Гусь.

— Ушел! — сказал завхоз.

— Три-четыре! — скомандовал начальник лагеря товарищ Дынин, он с биноклем в руках стоял на пригорке, и все — и дети, и вожатые — закричали:

— И-ноч-кин!

— Три-четыре!

— И!.. Ночь!.. Кин!..

— Вот он! Вот он! — закричал толстый мальчик Шарафутдинов.

— Где? Где? Что ты выдумываешь?

— Ничего я не выдумываю. У меня зрение, как у орла! — сказал Шарафутдинов.

Дынин поднял бинокль.

Деревенские плыли наперегонки. Течением здорово относило, и ребят прибило на тот берег, к кустам. Выбравшись на сушу, они по-

вернулись спинами к реке и принялись выжимать трусики. А по голому задку пойдя отличить, кто городской, а кто деревенский.

— Который?.. Который?.. — волновалась докторша.

— Да вон он!

— И!.. Ночь!.. Кин!..

Но Иночкин не слышал. Он сосредоточенно смотрел вдаль.

На заливных заречных лугах, просторных, как небо, мчались наперегонки восемнадцать жеребят. Они то скакали, как зайцы, то, взвившись на дыбки, шли на задних ногах, как люди, то встряхивали головами, точь-в-точь как высокочившие из воды мальчишки.

Ой, до чего ж весело было на них смотреть!

— И!.. Ночь!.. Кин!..

И Иночкин обернулся.

— Это я. Это меня зовут Костя Иночкин. Это я уплыл с деревенскими на тот берег. Я очень хорошо плаваю. Не верите?

Фигурка прыгнула в воду и хорошим кролем пошла к нашему берегу.

— Эту речку я могу переплыть сто тысяч раз. Без отдыха! Год могу туда-сюда плавать, если, конечно, зимой лед докол будет передо мной лед рубить. Я холода не боюсь. Я вообще ничего не боюсь.

— Смелчак какой нашелся! Ничего не боится! А если бы ты утонул, кто бы отвечал?

Костя молчал. Он стоял перед линейкой, а

с трибуны его отчитывал начальник лагеря товарищ Дынин.

— Когда я был маленьким, я тоже отдыхал в пионерских лагерях. Нам тогда приходилось туго: спали в самодельных шалашах, готовили пищу на костре, сами таскали воду — очень были не устроены в бытовом отношении. А теперь — оглянитесь кругом! Какие корпуса для вас понастроили — здравница! Какие газоны разбили! Водопровод! Телевизор! Газовая кухня! Цветники! Парники! Мероприятия! Отдыхайте, набирайтесь сил, растите — всё для вас! Вы хозяева лагеря!.. От вас что требуется? Дис-ци-лина!.. Я категорически запретил переплывать на тот берег и контактировать с деревенскими. А Иночкин нарушил мой запрет — переплыл и контактировал.

— А в деревне коклюш, — добавила докторша.

Ребята зашумели.

— Третий отряд! Разговорчики! Берите пример со второго отряда!

— Кто поручится, — вопрошал Дынин, — что Иночкин теперь не несет в себе заразу?

— Наверняка несет, — жестко сказала докторша.

— И это не первое нарушение Иночкина. В день приезда он фехтовал на палках, а вслед за ним все стали фехтовать, даже девочки. Ночью под одеялом он зажег фонарик и читал книгу. И все стали читать книги. А сегодня переплыл на тот берег. Что же, теперь все будут плавать на тот берег?..

— Ну что он такое говорит, — шепнула Валя стоявшей рядом вожатой второго отряда.

— Молчи и учись. Им, — мотнула она головой в сторону ребят, — палец покажи, они всю руку оттяпают.

— Более того, — продолжал Дынин, — в вещах Иночкина обнаружены лески, крючки, поплавки. Это, как вы думаете, для чего?..

Костя стоял перед трибуной. Взгляд его следил за пролетавшим высоко над лагерем звеном реактивных самолетов. Сверкнув золотыми искрами в какой-то фигуре высшего пилотажа, самолеты разом взвились, и только тогда пришел звук. Дынину пришлось напрячь голос:

— Картина складывается отрицательная. Я издал приказ об отчислении Иночкина.

— Ну за что же? — тихо сказала Валя.

— Ох, и настроенница у тебя, — показала головой вожатая второго отряда. — С такими настроениями всю работу в отряде завалишь. По одному стукнем — полсмены порядок.

— А потом? — спросила Валя. — По другому стукнем?

— купишь ему билет, — наставлял Дынин лагерного завхоза, — посадишь на электричку, и пусть едет.

И ГАЗ-69 заскакал по неровной дороге.

Костя, держа на коленях чемодан, сиротливо сидел, зажатый нагло развалившимися

ся на мягком пружинном сиденье пустыми молочными бидонами. Казалось, бидоны неохотно потеснились, чтобы дать мальчику примоститься.

В пустой столовой было гулко, как в бане. Дынин сидел за столом, покрытым немыслимо чистой клеенкой. Перед ним стояли алюминиевая кастрюля и круглый никелированный поднос с пирамидой перевернутых сверкающих стаканов. Дынин зачерпывал половником в кастрюле, ловко, не капая на клеенку, наливал себе компот и с удовольствием пил.

— Хочешь компоту? — предложил Дынин, когда Валя подошла к столу.

— Нет, спасибо, — сказала Валя. — Товарищ Дынин, чем больше я думаю об Иночкине, тем несправедливее мне кажется ваше решение.

— А ты меньше думай.

— Нет, серьезно. Ну что он такого ужасного сделал?

— Ты какой год в лагере работаешь?

— Ну, первый.

— Так, — сказал Дынин и налил себе еще полстакана. — Компоту хочешь?

— Нет!

— Ты чего добиваешься?.. — Дынин сделал из пальцев решетку и лукаво взглянул через нее на Валью. — Этого?

— Загубили парню лето, — сказала Валя и, поглядев Дынину прямо в глаза, попроси-

ла: — Товарищ Дынин, верните Иночкина. Я за него отвечаю. Ну, честное комсомольское слово, ничего не случится.

— Ты об одном Иночкине хлопочешь, а у меня таких Иночкиных — двести шестьдесят три... А за тебя саму отвечать надо. Ну, хватит, хватит. Компоту хочешь?

Валя помотала головой.

Машина набрала скорость, и бидоны, недвольные непривычным соседством, принялись ворочаться, шевелиться, брюзгливо дребезжать, вытесняя непрошеного гостя.

Костя попытался было вступить с ними в борьбу, заерзал, расставил локти. Но бидоны так навалились на него железными боками, так злобно лязгали откинутыми крышками и так больно тюкали его по темени лужеными ручками, что Иночкин решил не связываться.

— Черт с вами, — сказал он и сполз на пол, где беззлобно покряхтывала пустая корзина для овощей.

Костя поднялся по лестнице и остановился перед дверью. Запел звонок. Дверь отворилась. Увидев Костю, бабушка схватила за сердце:

— Ты меня в гроб вгонишь! Тебя из лагеря выгнали, да?

Костя кивнул. Бабушка упала и тотчас умерла.

Хоронили бабушку ее друзья-пенсионеры.

Их было числом более девятисот. Под звуки оркестра гроб несли на руках празднично одетые старики и старухи. На Костю все смотрели с глубокой укоризной, и ему было невыносимо тяжело идти в толпе пенсионеров. Речь над могилой держал бородатый дед — чемпион Советского Союза по старости. Он сказал:

— Этот мальчик по имени Костя убил свою бабушку. Семьдесят восемь лет никто не мог вогнать ее в гроб, а он смог.

И все более девятисот пенсионеров невыразимо печальными глазами посмотрели на Костю и заплакали. И Костя заплакал.

— Ну чего сопли-то распустил? Прежде надо было думать, — сказал завхоз. — Вот билет, садись и жди. Скоро электричка подойдет. А мне с тобой канителиться некогда.

— Нет, ехать в город, ехать на убийство — невозможно!

Поздно ночью, усталый вернулся Костя в лагерь.

Он остановился у калитки и содрогнулся. Это не его приглашало добро пожаловать красное полотнище. Это ему, постороннему, вход запрещали черные буквы на железке. Ох, до чего ж паршиво быть посторонним!..

Костя горько вздохнул и на цыпочках вошел на территорию лагеря.

Темнота была жуткая. Бесшумно летали летучие мыши, в разрывах облаков мерцали звезды.

Хруп, хруп, хруп — хрустел под ногами гравий. Ветер гнал по черному небу рваные облака. Тени скользили по ярко белевшим гипсовым статуям пионеров. Казалось, что статуи враждебно поворачиваются вслед Косте Иночкину.

И Иночкину представилось, что барабанщик забил тревожную дробь, что горнист прогудел сигнал, что голуби мрачно урчат ему вслед и хищно щерятся, а пионер-альпинист замахнулся веревкой и поднятой ногой норovit садануть Косте по шее.

Костя шарахнулся.

Хруп, хруп, хруп — гремел под ногами гравий, трещали барабаны, выли горны, рычали голуби... Что-то черное надвигалось на Костю. Ближе, ближе, ближе! Что это? Да это же трибуна застлала от него весь мир.

Костя заелозил ладошками по шершавым доскам. Вертушок.

Дверца.

Черное подтрибунье.

Костя юркнул туда, захлопнул дверь, и вертушок сам собой повернулся.

Тэн-н!.. Киу-у! — запела спущенная стрела. — Пэк!

Но Костя уже был в безопасности.

Надпись на экране:

Так Костя Иночкин перешел на нелегальное положение.

Вдруг Косте на лоб что-то капнуло. Он открыл глаза. Он был, как зебра, весь пере-

полосован желтыми линиями — солнце сквозь щели. А тут как полило! И не то что дождь или там душ, а как водопад, как из ведра.

Лили действительно из ведра. Это Неля Полешко мыла трибуну. Собственно, мыть было поручено двоим: ей и Стабовому Диме. Но Стабовой сидел на балюстраде, напевал что-то и шлепал в такт по перилам скрученной в жгут тряпкой.

— Нельк, а Нельк, ты чарльстон танцевать можешь?

Нелька презрительно выпятила нижнюю губу.

— У нас все девочки могут.

— Научи меня. А я тебя тоже чему-нибудь научу. Телепатии научить?

— Чему?

— Мысли читать на расстоянии. Или наоборот — внушать.

— А ты умеешь?

— Спрашиваешь! Хочешь, внушу?

— Ему внуши! — сказала Нелька, кивнув на пробежавшего мимо лагерного пса Космоса. — Космос! Космос! На-на-на!..

— Запросто, — сказал Димка.

Космос, виляя хвостом, подбежал к трибуне.

— Ну, что ему внушить?

— Чего-нибудь, — пожала плечами Нелька.

Димка сосредоточенно посмотрел на Космоса. Космос вдруг засуетился, подошел к углу трибуны и поднял ногу.

— Дурак, — сказала Нелька.

— Честное слово, это не я, это он сам.

А вообще собакам знаешь как трудно внушать, у них же нервная деятельность недостаточно высшая.

Но тут Космос словно остервенел. Шерсть вздыбилась у него на загривке. С хриплым лаем бросился он на дощатые стенки трибуны.

— Чего это он, Димка? Чего ты ему внушил?

— А кто его знает. Ничего я ему не внушал. Сейчас я сам его мысли прочитаю. — Димка сложил ладони рупором и приставил ко лбу. — Мыслеулавливатель, — пояснил он. — Прочитал! — закричал он вдруг.

— Ну?

— Под трибуной кто-то есть!

— А кто?

— Не говорит. Какой-нибудь зверь.

— Давай его выманю.

— А на что манить? Мы ж не знаем, чем он питается. Если зверь плотоядный — на колбасу надо, а травоядные на подорожник хорошо идут.

— Давай сделаем бутерброд: сверху колбаса, снизу подорожник.

— Мы его сейчас выкурим. — Димка полез в карман и достал сигареты. — Нет, — сказал он, заглянув в пачку, — самому не хватит. До конца смены двадцать два дня, а тут три штуки осталось.

Подошел скучающий парень с профилем Гоголя.

— Чего это вы делаете?

— Ступай, ступай, — сказал Димка.

Когда парень скрылся за трибуной, Нелька прильнула ухом к щели.

— Димк, дышит!

Стабовой приняхался.

— Волком пахнет. Или барсуком.

— А ты барсука нюхал?

— Сто раз!

— Ой, Димка, шевелится!

Космос лаял так, что, казалось, хочет из шкуры выскочить. Он хрипел, заливался и стучал лапами по доскам.

— Вот что,— решил Димка.— Надо его раскаленным металлом подпалить. Он тогда сразу выскочит.

Димка спрыгнул с трибуны и схватил валявшийся неподалеку кусок ржавой проволоки.

— Раскалим добела, и порядок.

Спичка догорела до конца и обожгла Димке палец, но проволока не нагревалась. Однако Димка не терял надежды.

— Давай всю коробку подожжем. Знаешь, какая температура развивается? Три тысячи градусов!

Коробка вспыхнула.

— Ну как? — спросила Нелька.— Греется?

— Ага. Сейчас враз накалится.

Но коробка сгорела чересчур быстро.

— Чуть теплая,— разочарованно сказала Неля.

— Ничего,— сказал Димка,— будем колоть холодным оружием.— Он приоткрыл дверцу и начал протыкать проволокой воздух.— Попал! Попал в зверя! — закричал он.

Но не тут-то было. Зверь, видимо, попался сильный: проволока медленно уползала в щель.

— Нелька, хватайся!

Нелька схватилась. Но и это не помогло. Рывок, и оба охотника скрылись под трибуной.

Надпись на экране:

Так Костя Иночкин вручил свою судьбу двум верным людям.

«Бери ложку, бери бак, если нету — шамай так», — проплыл над лагерем знакомый сигнал на обед.

В столовой сидели за длиннющими столами с одной стороны один отряд, с другой — другой. Доедали суп.

— Прослушайте информацию,— сказал Дынин и вышел в проход.— Завтра родительский день.

Принесли котлеты, и отряд, сидевший напротив, дружно заработал вилками. А третий отряд жевал одни макароны.

— Завтра, ребята,— продолжал Дынин,— нам предстоит взять рекордную высоту. По дисциплине, по организованности, по талантам. Как, товарищи вожатые, выявили таланты?

— Выявили, выявили,— откликнулись вожатые.

И вот голые котлеты остались сиротливо лежать на пустых тарелках.

— По полкотлеты! — распорядилась Лера и, отломив от своей котлеты половину, принялась есть.

— У меня двое, — сказала вожатая второго отряда, та, которая разучивала чарльстон.

— Это со всего-то отряда? — Дынин сделал строгое лицо. — Никуда не годится. Должно быть не менее одного таланта на звено.

Валя прыснула. Дынин строго посмотрел на нее.

— Если петь, танцевать не могут, — сказал он, — пусть хоть стих выучат, вольные движения под аккордеон.

— По полкотлеты! По полкотлеты! — вправо и влево передавали вдоль стола.

Все старались быть жутко справедливыми и размечали ровно по половине, а Шарафутдинов даже положил обе половинки на ладони и сравнивал их взвешиванием.

— А фокусы показывать — это талант? — спросил он, не прекращая под столом взвешивание.

— Фокусы, художественные пирамиды, пантомимы — все годится.

— Запишите меня, — сказал Шарафутдинов. — Я летающую даму покажу.

— Это какую еще даму? — нахмурился Дынин.

— Бубновую!.. — закричали ребята, а Шарафутдинов вытащил из-под ремня и показал Дынину книгу: «36 фокусов».

— А-а, — сказал Дынин. — Только чтоб без карт. Завтра, — продолжал он, — лучшие из

вас, самые достойные... А кого, ребята, мы называем самыми достойными?

— У кого хорошая дисциплина!..

— Кто все до конца съедает!..

— Кто кроликам травку рвет!..

— Молодцы, — похвалил Дынин. — Так вот, самые достойные пройдут круг почета в карнавальных костюмах.

— По полкотлеты!.. По полкотлеты!.. — шелестело вдоль стола.

И как в игре в испорченный телефон, приказание, конечно, исказили. В правый угол дошло: «На полкотлеты!», и там поспешно опускали тарелки на пол, а в левом углу приказание приняло уж совсем идиотский вид: «По полке летом!» Тут растерянно переглядывались и переспрашивали друг друга:

— По какой полке?

— Что летом?

Кое-как разобрались. А разобравшись, испугались. Шутка ли, на глазах вожатых, воспитателей и того отряда, что сидит напротив, разделить котлету пополам, незаметно смахнуть полкотлеты с тарелки и, зажав двумя пальцами (чтоб не очень валять по ладошкам), вручить Вене, худенькому, черноволосому мальчику с мечтательными глазами, который ползал под столом с миской.

— Митрофанова! — позвал Дынин.

Отряд замер... все вскинули на Дынина испуганные глаза.

— Сведения подтвердились?

— Уху, — сказала Митрофанова с набитым ртом.

— Вот видите, — озабоченно сказал Дынин. — И товарищ Митрофанов придет. — И со значением поглядел на вожатых.

— И мой папа придет, — сказал мальчик из младшего отряда.

— Кушай, кушай, — сказал Дынин. — Закон знаешь: «Когда я ем, я глух и нем». Вот и помалкивай. — И вышел из столовой.

Все облегченно вздохнули.

Веня подполз к Стасику Никитину и толкнул его в коленку. Стасик нагнулся и посмотрел под стол: котлеты возвышались над миской дымящейся горкой. Стасик загоготал:

— Что он, Бармалей, что ли? Двадцать семь половинок! Столько нормальный человек не может съесть!

— Ты жадный, ты жадный, — зашипели девчонки.

— Я не жадный, — сказал Стасик и через окно бросил котлету Космосу, — я рациональный.

Давясь, выпили компот и встали из-за стола.

— Для всех мертвый час, кроме нас! — сказал Веня.

И все затопали на мертвый час. А Димка и Веня, крадучись, пошли к трибуне. Но по дороге их нагнал Шарафутдинов.

— Знаете что, давайте положим котлеты в шкатулочку с сюрпризом. — Он показал картонный куб. — Мало ли что!

Камера отвернула в сторону, и мы увидели за кустиком тоненькие ножки в сандаликах. Ножки постояли немного и неслышно по-

бежали по траве. Потом они неслышно пробежали по дорожке, усыпанной кирпичом, тихонько прошелестели по асфальтовой дорожке и даже на бетонные ступени поднялись совсем неслышно.

И когда Димка, Веня и Шарафутдинов уже подходили к трибунам, дорогу им преградил товарищ Дынин.

— А ну, что у вас там? — спросил он и протянул руку к шкатулочке с сюрпризом.

— Д-да-да-да... да-да-да-да... — начал заикаться Димка. Один Шарафутдинов сохранял спокойствие.

— Пожалуйста, — сказал он, — посмотрите. — И открыл шкатулочку.

В шкатулочке что-то зафырчало, затрепыхалось, и оттуда, потеряв на лету перо, взмыл в небо голубь.

Товарищ Дынин растерянно посмотрел в пустую коробку, потом на голубя и задумчиво произнес:

— Пионеры, а мучаете птицу.

Надпись на экране:

Так Костя Иночкин получил в общей сложности тринадцать мясных котлет.

Наступил мертвый час. В лагере воцарилась какая-то странная тишина. Пожалуй, только теперь стало ясно, что с раннего утра и до сих пор беспрерывно грохотало радио.

Аллеи опустели. Лишь на площадке перед изолятором толпились вожатые. Они вытаски-

вали из тюка и расстилали на траве маскарадные костюмы. Это было похоже на огромную аппликацию: на зеленом фоне распластаны яркие фигурки без голов, ладоней и ступней. Старуха санитарка с ранцевым дезинфекатором ходила меж костюмов и под наблюдением докторши опрыскивала их из трубки каким-то зельем. Намокшие костюмы темнели.

— А не полиняют? — спросила вожатая второго отряда.

— Вам что, красота нужна или здоровые дети? — убила ее иронией докторша.

— Если уж по вашим правилам, — сказал Гусь, — эти костюмы давно сжечь пора. Их уж лет шесть по разным лагерям таскают.

Откуда-то донеслись мелодичные звуки «Сентиментального вальса».

— Это что за новости? — воскликнула докторша.

— Я инструментальный квартет освободил от сна, — сказал Дынин. — Пусть тренируются.

Струнный квартет — четверо мальчиков в очках: две скрипки, альт и виолончель — репетировал в тени, отбрасываемой трибуной.

— Выходи, — оглянувшись по сторонам, шепнул альт.

Скрипнула дверца, и под виолончелью показались костины тапочек.

— Пошли! — сказал Костя. — Быстрее!

И квартет, окружив виолончелиста и продолжая играть, двинулся в ногу по дорожке. Дойдя до дощатой постройки с надписью: «Для

мальчиков», квартет остановился. Костя юркнул за загородку. Звуки «Сентиментального вальса» неслись над лагерем.

— Нашли где играть, — неодобрительно покачала головой проходившая мимо повараха. Она несла два ведра свежих огурцов.

Костины тапочки вновь появились под виолончелью, и компания, задорно блестя стеклами очков, двинулась назад к трибуне.

— Вот мастера, — сказал Дынин. — На ходу играют. Виртуозы. А это у тебя что за книжка?

— Чехов, — ответила Валя.

— Зачем?

— Смешно.

— Ты б лучше журнал «Вожатый» почитала. Опыта-то нет.

— А вот и «Царица полей»! — Длинноногая вожатая вытащила из узла мешок, оклеенный пинг-понговыми шариками молочно-восковой спелости.

— Здорово, старушка, — сказал Гусь. — Ей всегда первую премию дают. На химзаводе торт получила, в почтовом ящике торт получила, и у нас получит.

— А что ж, коту в сапогах, что ли, премию давать? — вмешался Дынин. — Правда, сейчас бобовым большое внимание, — озабоченно сказал он. — Может, стручка премируем?

— Если бы стручку премию надо было дать, — сказала вожатая второго отряда, отработывая ногами движения чарльстона, — на

химзаводе давно бы дали. Проявили бы инициативу.

— А точно там «Царица полей» получила? Вожатая кивнула.

— Ну и мы «Царице» дадим,— решил Дынин, прикладывая к себе костюм кукурузы.— Чего зря голову ломать.

— Да не о том речь,— поморщилась Валя.— Ребята могли бы сами костюмы сделать.

— Знаю я эту самодеятельность,— сказал Дынин.— А где бархат возьмете, позументы?

— Да на что они, позументы эти,— сказал Гусь.— Обои, краски да папиросная бумага.

— Гордость надо иметь!— возмутился Дынин.— Что мы, беднее химзавода, что ли, в папиросную бумагу детей заворачивать!.. А тут костюмы качественные, проверенные. Давайте лучше, чем всякой маниловщиной заниматься, решим, кого в «Царицу полей» наряжать.

— Известно кого,— усмехнулся Гусь,— Митрофанову. У нее же дядя на железной дороге шишка.

— Других предложений нет? Так и решили. А насчет шишек смеяться мы все горазды. Вот август подойдет, уборочная — самое горячее время, на чем имущество вывозить? Вы, что ли, нам платформы дадите? Или Митрофанов?!.. Понятно говорю?

А в комнате мальчиков никто не спал.

— Так мы его и будем все лето кормить?— лежа на постели, говорил Ста-

сик.— В конце концов, пошел бы к поварихе, поплакался. Что она ему поесть не дала бы?

— А повариха — тут же к Дынину,— сказал Венька.

— Да не пойдет он ни к какой поварихе,— сказал Марат и закривлялся:— «Тетенька, дай котлетку! Тетенька, дай котлетку!..»

— Ах, он гордый? — иронически сказал Стасик.

— Тебе что, Стасик, по уху дать? — приподнялся на локте Дима Стабовой.

— А ну, дай, дай! — ощерился Стасик и тоже приподнялся на локте.

— Да бросьте вы! — закричали все.— Бросьте!

Но Димка уже спускал ноги с кровати. Стасик откинул одеяло. Драки бы не миновать, если бы не Шарафутдинов.

— Самое жуткое,— поднял он с подушки голову.— что завтра родительский день.

— Ни черта,— сказал Стасик.— Родители Иночкина в Черном море купаются.

— Надо заявить так,— предложил Шарафутдинов.— «Раз родительский день, значит пускать только родителей». А то ведь едут все, кому не лень: и дедки, и бабки, и тетки, и дядьки, и вообще седьмая вода на киселе. Будто больше и поехать некуда.

— Вот припрется Костина бабка,— сказал Стасик.— «Где мой внучек, да как он поправляется?»

— Эй, вы! — сказал Димка.— Родительский день надо предотвратить.

— Предотвратил один такой,— презрительно скривился Стасик.

— А надо по-умному,— сказал Димка.

— Есть! — воскликнул Венька и протянул большой палец.— Во! Эпидемия!

Выждав момент, когда главная аллея опустела, и убедившись, что за ними никто не подглядывает, ребята раздвинули кусты и оказались в перелеске — зеленой зоне лагеря.

Они шли гуськом, неслышно, как индейцы. Впереди — Венька, за ним — Дима Стабовой, Марат и Стасик Никитин. Шарафутдинов шел последним и то и дело озирался по сторонам.

— Здесь! — остановился Венька и поднял зажатые в кулак спички.— Тащите.

Не без трепета пальцы потянулись к спичечному пучку.

— У меня короткая! — упавшим голосом сказал Марат и показал обломок спички.

— Атас! — шепнул вдруг Шарафутдинов.— Кто-то дышит.

Прислушались.

— Да нет там никого,— сказал Стасик.

— Ну да, нет,— обиженно прошипел Шарафутдинов.— У меня слух, как у филина.

...На цыпочках подошли к ореховому кусту. За кустом, прислоненный к осиновому стволу, стоял треугольный осколок большого зеркала. Рядом с зеркалом — обложка «Советского экрана». На ней — улыбающаяся Людмила Шагалова с изящной копной ловко

зачесанных светлых волос. А перед этим алтарем красоты на корточках сидела Митрофанова. Распустив жидкую косенку, она старательно начесывала гребнем волосы, стараясь максимально приблизиться к недостижаемому идеалу. Она была так сосредоточенна, так напряженно были сдвинуты ее белесые бровки, и с такой надеждой переводила она взгляд с вождя шедевра на зеркало и с зеркала на вождя шедевра, что, как тетерева на току, ничего вокруг не замечала.

Ребята переглянулись. Вдруг Стасик как гаркнет:

— Брысь!

Митрофанова аж села от испуга и зажмурилась.

— Ты, Митрофанова, пионерка,— дынным голосом и с дынной интонацией сказал Стасик,— а Вавилон на голове устроишь.

Митрофанова опомнилась, заревела и убежала, оставив на траве изображение своего кумира и треугольный осколок зеркала.

Ребята хохотали. Один Марат, потупившись, стоял на краю овражка и мрачно смотрел вниз.

Дно оврага было покрыто папоротником и крапивой. Крапива была здоровенная, в рост, с толстыми колючими стеблями. Она стояла плотно, стебель к стеблю, и злодейски шевелила иглистыми листьями.

— Ну, Марат, давай. Зажмурься и сигаи,— подарил Венька товарища невеселым экспромтом.

— А может, через майку прожгет? — вяло сказал Марат.

— Снимай, снимай, — ликовал Стасик.

— Решили голыми, значит голыми!

Марат стянул майку, но решимости это ему не прибавило.

— И трусы! — не глядя на Марата, потребовал Венька.

— Иди ты знаешь куда! — разозлился Марат.

— А ты что думаешь, — сказал Димка, — это как загар — до сих пор эпидемия, а зад белый?

— Ладно, не ори! — Марат медленно стянул трусы, они легли вокруг щиколоток, как кандалы.

— Тебе считать или сам прыгнешь?

— Сам, — сказал Марат и робковато заглянул в овражек.

Дул ветер, и здоровые, как лопухи, крапивные листья угрожающе шевелились и показывали бледную, противную изнанку.

Ждали долго, но Марат стоял как изваяние. Когда пауза стала невыносимой, Марат вдруг заорал:

— Ну, что вы, столкнуть, что ли, не можете?

Принялись толкать, но Марат уперся, сдвинуть его было невозможно. Брови его были нахмурены, он был напряжен, он был несчастен.

— Чего упираешься?

— Это не я, — сказал Марат.

— Это не он, — захохотал Стасик, — это его инстинкт самосохранения держит.

— Давай я тебя с ходу пихну, — предложил Димка и, разбежавшись, вперся ладошками в крестец Марата.

Марат крикнул, дрогнул, переступил левой ногой, трусы остались болтаться на правой, но удержался на краю обрыва.

— Сейчас мы вдвоем оттуда разбежимся, и порядок, — обнадежил его Димка. — Пошли!

Разбежались оттуда. Марат напрягся и врос в землю, как вратарь, когда бьют одиннадцатиметровый. И если бы не Стасик, «порядок» вряд ли был бы водворен. Но Стасик незаметно присел на корточки и, когда ребята подбежали и с гиком толкнули Марата в спину, дернул за Маратовы трусики. Правая нога оторвалась от земли, и Марат кубарем полетел в крапиву.

Он взвыл, как вепрь, и выскочил из крапивного куста, словно из проруби.

— Во дерет! — завопил он, счастливо улыбаясь, несмотря на слезы, которые текли из глаз.

Ребята сгрудились за его спиной.

— Ну как? — спросил Марат.

— Ерунда, — разочарованно сказал Стасик. — Одни царапины.

— Ничего не ерунда, — возразил Димка. — Это ж как в проявителе, не сразу проступает.

— Может, при красном свете стрекаться надо? — сострил Стасик.

— Сейчас как дам в лоб! — остервенился Марат. — Знаете, как дерет!

— Есть! — закричал Шарафутдинов. — Проявляется!

Все нагнулись и осмотрели Маратов зад.

— Порядок! — удовлетворенно сказал Димка. — Законная сыпь. Раздевайся, братва!

...В крапиву входили каждый в соответствии со своим характером. Димка — как в горячую ванну, «привыкая»: сперва ногой пощупал, потом на колени встал, потом сел, а потом, скрипя зубами, и лег. Шарафутдинов, сосчитав до трех, сжал кулаки, прыгнул, обжег пятки и тут же вскочил. Венька кинулся в упоении, даже с каким-то неистовым наслаждением: стена от боли, он катался по крапиве.

После двух или трех неудачных попыток войти в крапиву Шарафутдинов, обмотав трусами руку, сорвал пучок крапивы, подошел к стоящему в стороне Стасику и сказал:

— Знаешь, у меня что-то героизма не хватает. Вали, похлестай меня. Только чтоб не бить. Чтoб стрекать. А сам-то ты чего не лезешь?

— Давай, давай! Не разговаривай! — строго сказал Стасик и принялся хлестать Шарафутдинова.

— Проступает? — спросил Шарафутдинов, безуспешно пытаясь увидеть свою спину. Слезы текли из его глаз, но он крепился.

— Дело мастера боится! — радостно ответил Стасик.

— Погоди, — взмолился Шарафутдинов. — Я сейчас в зеркало взгляну. — И бросился к осинке.

Ни зеркала, ни обложки «Советского экрана» на траве не было.

— Братва, — хриплым голосом сказал Шарафутдинов. — Нам конец! Митрофанушка-то возвращалась. Значит, она все видела.

Все испуганно взглянули на него, подошли к осинке и принялись ногами разгребать траву. Зеркала не было.

...А за кустиками мелькнули знакомые тоненькие ножки в сандаликах.

На линейке Дынин размечал места участников завтрашнего карнавала. Гусь ходил за ним с ведром краски и кистью.

— Здесь будут родители и гости, — указал Дынин, и Гусь отчертил на земле линию.

— А пусть они на земле сидят, — предложила Валя. — Там тень и удобнее.

— Подумаем, — сказал Дынин. — Здесь зона аттракционов, — продолжал он.

— Бег в мешках? — спросила длинноногая вожатая.

— Мхм, — подтвердил Дынин. — От той плевательницы до фонаря. Ответственная — ты.

— Давайте лучше эстафету, — сказала Валя. — Комбинированную. Первый этап на ходулях, потом с прыгалками, потом... по-лягушачьи скакать... Да мало ли!

— Комбинированную? — переспросил Дынин и похлопал себя по затылку. — Подумаем. Значит, так: здесь мячи кидаем, здесь кольца кидаем, здесь петлей на удочке кегли ловим...

Одновременно в пяти местах раздвинулись кустики, и на песок аллеи выползла четверка остреканых и Стасик. Выползли и раскинулись на земле в картинно-печальных позах: Марат — ничком, Димка — навзничь, Венька — обхватив голову руками, а Шарафутдинов сел на песочек, прислонившись к столбу с репродуктором, и бессильно уронил подбородок на грудь. Что до Стасика Никитина, то он удобно улегся на зеленый бордюр дорожки, предусмотрительно уткнув голову в кучу состриженной с клумб травы.

— Стаська, зараза, — шипел Венька, поглядывая на Стасика через длинные ресницы. — Вставай! Ты же неостреканый.

— Ничего, — ответил Стасик. — И так сойдет. За одного неостреканного двух остреканых дают.

Маленькие девочки, которые шли поливать клумбы, остановились возле поверженных и, расплескивая воду из леечек, помчались со всех ног к изолятору.

Миг — и с крыльца сбежала докторша. Высоко поднимая толстые колени, она поскакала к распростертым на земле мальчикам, подняла майку у одного, всплеснула руками, кинулась к другому — подняла майку, всплеснула... к третьему, потом к четвертому. Стасик майку задрать не дал: он не любил щекотки.

И вот из изолятора выскочили две санитарки с носилками. Как ветер, промчались они по аллейке, подхватили Шарафутдинова, кинулись обратно и снова бегут с пустыми но-

силками поднимать Димку, а затем Марата и Веньку.

Но когда санитарки нагнулись, чтобы забрать Веньку, Стасик встал, качающейся походкой подошел к носилкам и ничком рухнул на них. Санитарки, подтащившие Веньку к носилкам, к своему немалому удивлению обнаружили, что носилки уже заняты. Они бережно опустили мальчика на землю и, подняв носилки со Стасиком, поволокли его в изолятор. Венька поплелся следом.

На линейке шла репетиция парада-карнавала. Дынин стоял на трибуне. Валя стояла рядом, держа в руках пачку соединенных скрепкой листов папиросной бумаги, и читала вслух:

— «Методразработка костюмированного парада...»

— К делу, к делу, — нетерпеливо сказал Дынин.

Валя перевернула страницу.

— «Руководитель...» — прочла она и бросила иронически ангельский взгляд на Дынина, — ...объявляет...».

— Что объявляет?

— Тут стерлось, — сказала Валя.

— Давай сюда, — протянул руку Дынин.

— Инструкция старая, — сказала Валя, подавая Дынину листки.

— Старая, — согласился Дынин. — Но никак не отмененная, между прочим. «Руководитель объявляет, — прочел он: — «Внимание! Начинаем парад карнавал». — И, подняв голо-

ву, уже другим тоном торжественно произнес: — Внимание! Начинаем парад-карнавал!

Гусь, подражая духовому оркестру, запел марш.

— «Дети в карнавальных костюмах организовано выходят на площадку», — прочел Дынин и скомандовал: — Шагом марш!

Длинноногая вожатая чарльстонным шагом пошла мимо трибуны.

— А по-серьезному нельзя? — строго одернул ее Дынин.

Длинноногая обиделась и пошла по-серьезному.

Нога Дынина отбивала такт. Доски трибуны поскрипывали, на Костю, прильнувшего к щели и наблюдавшего за репетицией, сыпался песок.

Все пять кроватей изолятора заняты. Все пять больных бредят. Растерянная медсестра мечется от одной кровати к другой, подтыкает поминутно сползающие одеяла, подправляет поминутно соскальзывающие на подушки пухляки со льдом.

— Мама... Бабушка... Дедушка... — шепчет Шарафутдинов.

— Я — Восток-7, я — Восток-7, сообщаю всем, сообщаю всем... — бредит Венька под рифму.

— Я — Космос. Я — Космос, — вторит ему Димка и вдруг лает: — Гав!.. Гав!.. Гав!..

— Дедушка... Прадедушка... Прабабушка... — зовет Шарафутдинов.

— Скажи-ка, няня, — еле слышно сказал Марат, и санитарка поспешно склонилась над ним, — ведь недаром Москва, спаленная пожаром...

— Бедненькие, как мучаются, — вздохнула санитарка.

— Здесь зрители аплодируют, — говорит на трибуне Дынин. — Аплодируют, аплодируют... Кончили аплодировать. Прочертите линию, через которую нельзя заходить, — распорядился он.

Гусь прочертил на земле линию.

— А может, они по одному будут появляться, — предложила Валя. — И каждый что-нибудь такое сделает...

— Они сделают, — возразила длинноногая. — На всю жизнь закаешься.

— Давайте без отсебятины, — строго сказал Дынин. — Дальше. (Читает.) «Парад, стой», — командует руководитель, и все останавливаются». — И, скомандовав сам: — Парад, стой! — с силой топнул ногой.

Песок посыпался так, что Косте пришлось прикрыть голову газетой.

— Отменить родительский день!.. — услышал он крик докторши и прильнул к щели.

— Пять обмороков! — кричала докторша, выбегая на площадку. — Четыре с сыпью!.. Третий отряд!.. Инфекция!.. Интоксикация!.. Карантин!.. — выкрикивала она, как заклинание.

— А Митрофанова? — спросил Дынин.

— Пока здорова. Все пять случаев — мальчишки.

Ноги Дынина загрохотали по ступенькам трибуны.

— Я — метеор, я — болид, у меня живот болит, — продолжал свой астральный бред Венька.

— Костя Иночкин, ты здесь? — на одной ноте произносил Стасик. — Здесь!.. А где ты?..

— Гав! Гав! — раздался предостерегающий лай Димки.

— Неподалеку!.. — продолжал Стасик. — В темноте.

— Сижу за решеткой в темнице сырой... — заглушая его, стал декламировать Марат. — В темнице!.. В темнице!.. В темнице!..

— Гав! Гав! Гав!..

Но Стасик не унимался:

— Над трибуной — флаг, под трибуной...

— Гав! Гав! Гав!..

— В темнице! В темнице! В темнице!..

— Нянечка, — растерянно сказала сестра. — Может, им что-нибудь вспрыснуть?

Ребята замолкли, со страхом ожидая ответа.

— Без укола не останутся, — обнадежила санитарка. — Доктор придут, вспрыснут.

— Гав! Гав!..

— Дедушка! Прадедушка! Праматушка! Прабабушка! Пра-пра-пра-пра!..

Дверь раскрылась, и в палату в накинутом на плечи белом халате вошел Дынин. За ним — докторша, Валя и все вожатые.

— А-а, — сказал Дынин. — Никитин, Шарафутдинов, Стабовой и вся компания.

— Разлитая сыпь с серозным наполнением, — пояснила докторша. — Очень странной конфигурации.

— Заболели, значит? — сказал Дынин. — Заболели?..

— Над трибуной... над...

— Праматушка! Прабабушка! Пра-пра-пра...

— Артисты! — восхищенно сказал Дынин. — Художественный театр! А говорили, талантов нету... — Он подошел к Шарафутдинову и решительно сдернул с него одеяло. — Лжецы! — с ласковой укоризной сказал он. — Симулянты! Самострелы!..

Бред как рукой сняло.

— А ну, марш отсюда!

Завхоз, плюясь и чертыхаясь, косил крапиву в овраге.

А на краю оврага молча стояли участники крапивной эпопеи и Валя.

— Ну, может, вы мне наконец объясните, — сказала Валя, — что это за дурацкие шутки с крапивой?

Ребята молчали.

— Мы в космонавты готовимся, — нагло сказал Стасик. — Волю воспитываем.

— Свины вы все! — сказала Валя. — Просто свиньи.

— Гляди! — сказал вдруг Димка. — Деревенские-то!..

Далеко за забором, сверкая в лучах солнца, двигалась по полю какая-то удивительная машина — комбайн с прицепами и ритмично вздымающимися гребенками. На машине и на всех прицепах работали деревенские ребята. Они работали так увлеченно и так весело, что от них нельзя было оторвать глаз. К комбайну подскочил кто-то на лошади, переговорил быстро и ускакал. А за комбайном шла стайка девочек и подбирала колоски.

— Митяй!.. — кричал Венька.

Парнишка, сидевший за штурвалом, поднял руку и приветливо замахал.

— Венька!.. Димка!.. — кричали деревенские.

— Вовочка!.. Андрей!.. — кричали городские.

Валя с изумлением переводила глаза с деревенских на своих, со своих — на деревенских. Она и не подозревала, что они знакомы.

— То-лик!.. То-лик!.. — восторженно кричал Венька.

— Давайте к нам!.. — кричали деревенские.

— Нам нельзя! — крикнул Венька и посмотрел на Валью.

Валя опустила глаза.

Донесся звук горна.

— Пошли строиться, — сказала Валя, и ребята понуро двинулись за ней.

Из щелей били солнечные лучи, и под трибуной было довольно светло. За это время здесь все изменилось. Посредине стоял ящик,

покрытый искусно вырезанной бумажной салфеткой. На ящике в баночке из-под майонеза — букетик ромашек. Другая такая же салфетка покрывала доску, привязанную к стене, — это была книжная полка. С обеих сторон полки были приклеены открытки: на одной — Юрий Гагарин, а на другой — гладилусы. На гвоздике висело полотенце. Охапка сена на земле была покрыта простыней, в изголовье лежала вышитая подушка.

Костя по книжке разучивал карточный фокус. Вдруг он поднял голову и начал прислушиваться.

— Только и слышно: «Дети — хозяева лагеря, дети — хозяева лагеря», — говорила Валя. — А все важные вопросы решаем без них.

Костя прильнул к щели. Мимо трибуны шли Валя и длинноногая вожатая.

— Да что ты об этом хулигане печалишься, — говорила длинноногая. — Увидишь, тебе без Иночкина легче станет. Если б ты знала, сколько он товарищу Дынину крови попортил!..

— Караул! Караул! — раздался пронзительный крик. Это кричала докторша. Она кричала на весь лагерь: — У товарища Дынина вся кровь испорчена. Срочно нужно переживание! Кто согласен дать кровь?

— Я! Я! Я! — мчались со всех сторон ребята.

— А у тебя какая группа крови?

— У меня первая!

— У меня вторая!

— У меня третья!

— А нужна тридцать третья! — сказала докторша. — Это очень редкая кровь.

Костя вышел вперед.

— У меня тридцать третья, — сказал он тихо.

— И ты пожертвуешь своей редкой кровью? — восхитилась докторша.

...На двух белых столах лежат Костя и Дынин. Стекланные трубки идут от розовощекого Кости к Дынину, плоскому, как засушенный цветок.

Заработали насосы, закрутились колеса и погнали кровь от Кости к Дынину. Как надуваемая камера, Дынин начал приобретать трехмерность, наливаясь жизненными соками и, наконец, ровно задышал.

— Иночкин... Иночкин... — зашептал он. — Ты был мне кровным врагом, а теперь стал кровным братом. Но ты купался в непопуганном месте, и в лагерь я тебя все равно не верну...

— Иночкин!.. Иночкин!.. — шептали девочки.

Костя приоткрыл дверцу, и девочки заползли под трибуну.

— Сегодня кино будет, — зашептали они. — Все вместе пойдем. В темноте тебя никто не узнает.

— А то без культурных развлечений духовно расти не будешь, — сказала Митрофанова.

— А я расту, — сказал Костя, тасуя карты. — Фокусы разучиваю. Мне Шарафутдинов книжку дал. Показать летающую даму?

— Ах, вот вы где! — приоткрыл дверцу Венька. — Трепухи!

За ним вползли Шарафутдинов, Марат и Стасик Никитин.

— Никакой тайны доверить нельзя!

— Вы на нас Дынину стукнули?!

— Сами вы стукнули! Сами вы стукнули! — кричала Митрофанова.

— Мы?!

— А то кто же? А то кто же?

Возле трибуны остановились тоненькие ножки в сандаликах.

— Кто Дынину зеркало и Шагалову отнес? — кричала Митрофанова.

— Какую Шагалову?

— Людмилу! На обложке!

— Или она сама туда пришла? Да?

— А про крапиву он сам узнал? Да?

Но в этот момент дверца распахнулась, и под трибуну заглянул Дынин.

— Кто здесь? — спросил он.

Через квадрат раскрытой дверцы было видно, как по аллейке вприпрыжку удаляются тоненькие ножки в сандаликах.

— Мы, — ответила Лера.

— Девочки? — изумился Дынин. — Очень хорошо. И мальчики? Отлично! И что ж вы тут делаете?

Нелька вырвала у Кости колоду.

— В картишки дуемся, — сказала она и улыбнулась своей самой обезоруживающей улыбкой.

— В подкидного дурака, — поддержала Лера, серьезно глядя прямо в глаза Дынину.

— Стыдно, девочки,— сказал Дынин.— А ну, вылезайте.— Он забрал у Нельки карты и шелкнул колодой по руке.— Сегодня — подкидной, завтра — азартные игры, пробуждение низменных инстинктов, отвлечение от созидательного труда. Понятно говорю?

— Понятно,— сказала Неля.

А тем временем завхоз уже навешивал на дверцу трибуны нелепо большой замок.

Надпись на экране:

Так Костя Иночкин был заточен в темницу.

Выкошенный овраг казался лысым и неуютным.

На пригорке сидели Нелька и Митрофанова, и Лера училась крутить на руке гимнастическое кольцо.

Подошел скучающий парень с профилем Гоголя.

— Чего это вы делаете?

— Ступай отсюда, слышишь? — сказали ему.

Парень ушел.

— Как же он теперь будет? — задумчиво сказала Митрофанова.— Всегда в темноте сидеть?

— Ой, девочки,— сказала Лера.— Надо ему нору под трибуну прорыть.

— Точно,— обрадовалась Митрофанова.— Он и будет туда-сюда ползать. Дай-ка я покручу...

Митрофанова долго прилаживала кольцо.

— Где бы незаметно лопату достать? — сказала Лера.— Или совок?

Резким и неловким движением Митрофанова крутанула кольцо. Кольцо, не сделав и одного оборота, упало к ее ногам.

— Да никто тебе лопаты не даст,— сказала Митрофанова, перешагивая через кольцо.— В той смене один мальчик черенок сломал. Теперь лопаты, совки, грабли — все забирают.

Нелька подняла кольцо.

Сперва она неспеша раскрутила его на талии. Потом, сцепив пальцы рук на затылке, откинула назад локти и изогнулась — обруч поднялся до подмышек и забился: по груди, по спине, по груди, по спине... Потом обруч вдруг резко скользнул вниз до коленок, еще ниже, до щиколоток. Но не упал. Несколько сильных оборотов, и он неспешной спиралью взлетел на поднятые над головой руки. Потом одна рука опустилась, и обруч завертелся на другой. Потом обруч вертелся на шее, снова на груди и снова на талии.

Вдруг Нелька подняла глаза и обомлела. Обруч упал к ее ногам.

Над забором торчали четыре взъерошенные головы — деревенские ребята.

Девчонки застыли — уж очень неожиданным было появление мальчишек. Молчание и взаимное изучение длилось долго. Нарушили молчание деревенские:

— Здравствуйте! — сказал Митяй.

— Здравствуйте! — ответили девочки.

— Здравствуйте! — хором сказали деревенские.

Опять воцарилась пауза. Все улыбались.

И вдруг раздалось хрюканье, возня, треск, и из-под забора появилась свинья.

— Вот! — воскликнула Нелька и торжествующе подняла руку.

— Костя! — шептал Марат, прижавшись губами к щели трибуны. — Сидишь?

— Сажу.

— А меня Дыня вызвал.

— Ну?

— Выпускай, говорит, к родительскому дню экстренный выпуск стенгазеты — карикатура и подпись в стихах. Изобрази, говорит, Костю Иночкина в жалком виде, как он из воды вылез. Понимаешь, куда гнет?

— Так ты что, нарисовал или не нарисовал?

— Ты не думай, что я трус. Я, когда надо было, даже в крапиву без штанов прыгал.

Костя молчал.

— А что мне было делать, — плаксиво сказал Марат. — Меня ж в редколлегию выбрали.

Костя молчал.

— Только я так непохоже нарисовал, что никто даже не подумает, что это ты... Костя!..

Костя молчал.

— Костя!.. Костя!..

Надпись на экране:

Так Костя Иночкин потерял одного друга.

«Молния» была вывешена в пионерской комнате. Кругом молча стояли ребята. Лица их были мрачны. Какая-то девочка хихикнула, за что ее тотчас дернули за косу.

Вожатая Валя подошла сзади, ребята ее сперва не заметили. Потом заметили и расступились. Но Валя не пошла по живому коридору. Она осталась стоять на месте. Зато «Молния» была видна теперь полностью и очень хорошо.

На большом листе полуватмана зигзагообразной линией, которая должна изображать дрожь, был нарисован мальчик. С ног до головы он был покрыт гусиной кожей — пупырышки были вырисованы весьма тщательно.

Отовсюду — с кончиков пальцев, с ушей, с носа — стекали огромные капли. На трусах было написано: «Костя Иночкин».

Костя вел за лапку какое-то большое насекомое, вроде белого таракана, тот — другого, поменьше, а тот — еще меньше, и так далее до самого малюсенького. На насекомых было написано: «Бациллы коклюша». Стрелка, наподобие тех, что ставят на развилках дорог, указывала, что вся эта процессия направляется в лагерь.

Внизу двестише:

За купание без разрешения

Отправлен домой без промедления.

А наверху, словно нимб над головой, были расположены слова: «Позор нарушителю!».

Глаза ребят были устремлены на Валю. Все молчали. У Венки дрожали губы.

И Валя не выдержала взглядов.

— Ты неправ, Веня,— сказала она.— Просто Марат дисциплинированный пионер, и интересы коллектива для него выше личных отношений.

Ребята молчали.

— Давайте не будем обсуждать,— строго сказала Валя и еще строже прикрикнула: — И вообще не толчитесь здесь! Пора на репетицию! Слышите!..

Летит песок. Свинья, словно землеройный снаряд, вонзилась в мягкий грунт под стенкой трибуны. Время от времени девчонки вместе с деревенскими оттягивают ее за задние ноги и проверяют результаты работы. Костя проталкивает в щель кусочек котлеты, котлета падает в яму, ребята отпускают свинью, и она с визгом и хрюканьем вновь устремляется к норе.

Огромные окна столовой были наглухо затянуты марлей — от мух. В столовой шла репетиция.

Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу историю загоним.
Левой!
Левой!
Левой! —

вдохновенно выкрикивали ребята.

Они стояли на сцене сбитой группой в три шеренги. Они шагали на месте, глаза их сверкали, а Веня стучал в барабан.

— Не надо эту самодеятельность,— подошел к Вале Дынин.

Валя вскинула на Дынина удивленные глаза.

— Это же Маяковский,— сказала она.

— Знаю. А Маяковского в каком классе проходят? И по тематике не то: Адам, Ева. Понятно говорю?

Валя хотела что-то возразить, но Дынин уже обернулся к ребятам:

— Стих «Наш лагерь» выучили?

— Выучили... Выучили...— вразнобой ответили ребята.

— Три-четыре! — скомандовал Дынин.

Лагерь — наша большая семья,—

началась нестройная декламация.

Из раздаточного окна умильно внимали искусству чтецов поварихи, судомойки и мужчина из обслуживающего персонала.

Мы бодры, веселы,
Хорошо нам живется, друзья!

— Стоп! — скомандовал Дынин.— «Бодры» надо говорить бодрее, а «веселы» как?

— Веселее.

— Молодец, понял. Вот так и продолжайте,— сказал Дынин и направился к выходу.

Лагерь — наша большая семья,
Мы бодры, веселы,
Хорошо нам живется, друзья!..

— Марат идет! — шепнул Веня.

Марат подошел и, не глядя на ребят, не-
решительно остановился возле вожатой.

— Стань на свое место,—приказала она.
Марат стал.

— Иуда,—прошептал ему Шарафутди-
нов.—Продал свой талант за тридцать среб-
ренников.

— Врешь! Ничего я не получал!

В соответствии с распорядком
Начинаем мы утро с зарядки.

Все развели руки в стороны, а Димка и
Шарафутдинов сжали при этом кулаки и с
обеих сторон тиснули Марата под ребра. Ма-
рат крикнул и перешел на другое место.

— Двuruшник! — шепнул ему Венька.—
Сам в крапиву прыгал, а сам...

Угощают нас вкусным обедом,
Суп и щи мы едим всегда с хлебом...

За раздаточным окном, прикрывая рты,
одобрительно хохотали повариhi.

— «Кто не ест — мы стыдим» — продекла-
мировал маленький мальчик.

— «По-ху-деешь — ему говорим!»

На последней строчке все показали на Ма-
рата, а Шарафутдинов развернулся и звезда-
нул ему по шее. Марат съежился и принял
удар как справедливое возмездие.

Свинья перестала копать и улеглась в вы-
рытой яме. Улеглась, поджав под себя ноги,
смежила белесые ресницы и ровно засопела.

— Эта свинья готова,—сказала Нелька.—
Давайте другую.

Но свинья ни за что не хотела уступать
место. Она, как пробка в горлышко бутылки,
плотно вошла в яму и заполнила ее всю.

Девочки и деревенские ребята пытались
выковырять свинью, но пальцы скользили по
щетинистому боку. Свинья подрагивала ко-
жей и довольно похрюкивала — ей было
приятно.

Костя через щель проталкивал на нее ма-
ленькие черепки от валявшихся под трибуной
битых цветочных горшков и даже — «тьфу,
тьфу!» — плевал на нее. Но ленивая тварь не
шевелилась.

— Сейчас я ее!.. — пригрозил один из дере-
венских и набрал пригоршню гравия.

— Не смей бить животное! — строго при-
крикнула на него Митрофанова. — Ее надо
лаской! — и, присев перед свиньей на корточ-
ки, нежно захрюкала.

Все присели вокруг свиньи и тоже захрю-
кали. Свинья положила морду на рыхлую
землю, закрыла глаза и снова засопела.

Подошел скучающий парень с профилем
Гоголя.

— Чего это вы делаете?

— Сыпь отсюда, — сказали ему.

Парень ушел.

— По упрямству, — сказала Лера, — это
какой-то осел, а не свинья.

— Да, — согласилась Нелька и, подняв-
шись, отряхнула коленки. — Со свиньей по-хо-
рошему нельзя. Бей! — приказала она.

Деревенский размахнулся и вlepил всю пригоршню гравия свинье в бок. Свинья выпорхнула из ямы, как вспугнутая куропатка, и, пронзительно вереща, бросилась по аллее. Девчонки — за ней. Деревенские бежали по кустам — выходить на открытое место им было небезопасно.

— Чунька, чунька!.. — звали они вполголоса, но ошалевшая скотина и ухом не вела.

— «Лагерь — наша большая семья» — выкрикивали мальчишки третьего отряда, доводя декламацию до предельной выразительности.

— «Мы бодры, веселы...» — На «бодры» они вздрагивали, как под холодным душем, на «веселы», широко улыбаясь, отбивали четку.

И вдруг в комнату что-то влетело.

— Кабан! Дикий кабан! — завопил Шарафутдинов.

Обезумев от страха и резко изменив курс, свинья рванулась назад. За ней — толпа преследователей. Свинья шарахнулась было влево — там завизжали девчонки, вправо — наткнулась на деревенских. А сзади в два пальца свистел Шарафутдинов.

Путь был один — к трибуне. Свинья рванулась туда со скоростью мотоцикла, на вертикальной стене. Подбежав к вырытой яме, она юркнула в нее, напряглась, закопошилась, заерзала задними ногами и, пронзительно хрюкнув, проскочила под трибуну.

— Тихо, тихо ты, — шепотом увещевал ее Иночкин.

Запыхавшиеся преследователи столпились вокруг ямы.

— Шарафутдинов, — сказала подошедшая Валя. — Сбегай к завхозу, пусть придет с ключом.

Шарафутдинов не двинулся с места.

— Ты слышал, что я сказала?

Все взгляды были обращены на Шарафутдинова.

— Я не пойду, — сказал Шарафутдинов.

— Почему?

Мальчишки из-за Валиной спины грозили девчонкам кулаками, девчонки зло смотрели на мальчишек.

— Я... я ногу подвернул, — нескладно нашелся Шарафутдинов.

— Вот новости, — сказала Валя. — Тогда ты сходи, Веня.

— Не могу.

— Почему?

— Не могу, и все.

— У него гланды, — сказал Стасик Никитин.

— Ой, ребятки, — покачала головой Валя, — что-то мне это все не нравится.

— Валя, — решила Лера. — Дайте честное комсомольское, что никому не скажете...

Дынин стоял на табурете возле висевшего на стене большого разграфленного листа: «Движение привеса по отрядам». Слева —

надпись «С чем приехали?», справа — «С чем уехали?» Слева изображен костистый мальчик с изможденным печальным лицом, справа — румяный, улыбающийся бутуз с пухлыми, как у младенца, щеками и с бицепсами гиревика.

От левой графы к правой струились цветные нити: «1-й отряд», «2-й отряд» — и так далее. Нити дружно шли вверх.

Дынин заглядывал в какую-то ведомость и переставлял булавки, отмечая результат последнего взвешивания.

— Можно к вам? — спросила Валя, входя в кабинет начальника лагеря.

— Мхм, — промычал Дынин, у него в зубах были зажаты булавки с цветными стеклянными шариками вместо головок.

— Товарищ Дынин, — сказала Валя, — у меня к вам серьезный разговор.

Она была собрана, напряжена и решительна.

— Давно пора. Ты смотри, что делается. Ай-яй-яй!..

— Товарищ Дынин...

— Сиди, сиди, сейчас разберемся, — Дынин скорбно поцокал языком и сказал: — Придется завтра перед родителями ответ держать. Ай-яй-яй!.. У всех привес, а третий отряд на месте топчется. С чем приехали, с тем и уедут... А в других-то отрядах что ни день — сто грамм, что ни день — сто грамм, а то и сто пятьдесят! — Он показал на высоко задравшуюся нитку.

— Товарищ Дынин!..

— Да подожди ты. Слушай, что говорят. Даже Шарафутдинов ничего не прибавил. А причины — вот они, на столе.

На столе лежали карты, обложка «Советского экрана», осколок зеркала и пучок крапивы.

— Карты видишь? Играют! В твоём отряде. И не только мальчишки, но и девочки!.. Ты смотри: Митрофанова-то — ни на грамм. Скандал!.. Вот они к чему эти вавилоны на голове приводят.

Валя во что бы то ни стало решила пробиться.

— Товарищ Дынин! — решительно сказала она.

— А с Шарафутдиновым-то что делается? Ведь хорошо прибавлял. Какой аппетит был — заглядение!.. Подумать только — крапивой секлись... Котлеты куда-то выносят. Ума не приложу... То ли побег готовят, то ли еще чего похуже... Ну, ничего, ничего, узнаем!..

И вдруг раздался плач. Дынин обернулся и, увидев плачущую Валю, направился к ней.

— Ты что, Валюш?.. Ну?.. Да брось ты, поправим мы их... Наберут... Или, может, у тебя что личное?.. А?.. Валентина?!

— А Иночкин в лагере, — раздался вдруг под окном спокойный тоненький голосок. — Иночкин кино смотрит.

Дынин откинулся назад, пристально посмотрел на Валю и, взяв с полки фонарик, быстрыми шагами направился к выходу.

Валя подскочила к окну, но никого не обнаружив, бросилась вслед за Дыниным.

Сильный луч карманного фонаря пробегает по лицам сидящих на скамьях ребят. Одно за одним вспыхивают и гаснут лица. Луч бежит по ногам — вспыхивают и гаснут коленки. Следующий ряд. Следующий.

— Ну чего светите? Смотреть мешаете! — ребята шуряются, закрывают лицо руками.

Дынин торопится, он идет по следу, он одержим вдохновением охотника. Вспыхивают, гаснут лица, вспыхивают, гаснут коленки.

И вот, наконец, трегий отряд. Напряженные глаза смотрят не на экран, а на начальника лагеря и на Валю, которая выглядывает из-за его плеча. Вдруг кто-то сполз со скамейки. Ребята быстро сомкнулись. Человека как не было.

— А ведь кто-то честное комсомольское давал... — громко и раздумчиво произнес Веня, не глядя на Валю.

— Это тебе слышалось, — ответила Лера.

Ребята сидели на скамейках тесно, плечом к плечу. Непokoйны были только ноги. То у одного, то у другого колени поднимались, а затем опускались, проталкивая по земле какой-то комок. Эта плотная извивающаяся цепь ног напоминала удава, проглотившего кролика.

Дынин рванулся по ряду. Его с готовностью пропускали. Но вот он дошел до Шарафутдинова. Шарафутдинов подался вперед, словно он был так увлечен фильмом, что не заметил начальника лагеря.

— Пусти!

— Что?

— Пусти, говорят!

— Смотреть мешаете! — заныл Шарафутдинов, неторопливо меняя позу.

— Действительно, обойти, что ли, нельзя, — ворчали ребята.

— Ой, у меня тапочек соскочил! — закричал Димка и, сев на корточки, стал шарить руками по земле, окончательно закрыв проход.

— Пропустите! Пропустите, я сказал! — расвирипел Дынин.

— Ой, вы на мой тапочек стали! — вопил Димка.

Положение становилось почти комичным, и Дынин не на шутку разозлился.

— Механик! — крикнул он. — Дайте свет! Прекратите картину!

Экран погас. Над передвижкой вспыхнула яркая электрическая лампочка. Все зажмурились. На миг стало видно еще хуже, чем в темноте. Космос залаял и бросился в кустарник.

— Космос! Космос! — кричал третий отряд. — Вернись, Космос!

Лай удалялся.

Надпись на экране:

Так Костя Иночкин недосмотрел «Приключения барона Мюнхгаузена».

Вытянув вперед руки, чтоб не наткнуться на что-нибудь в темноте, Костя мчался по посадкам, не разбирая дороги. Все глуше и глуше доносились до него крики: «Космос, Космос, вернись!..» А Космос — противная

собака! — скакал рядом, виляя хвостом, и все норовил подпрыгнуть и лизнуть Костю в нос.

— Уйди, Космос, уйди, — задыхаясь, шептал Костя.

Деревья возникали неожиданно, вдруг, черными вертикальными полосами. Кусты выкатывались из темноты, как огромные валуны. Густая трава ловила ноги, словно расставленные Дыниным силки. Костя, шараясь из стороны в сторону, бежал зигзагами.

— Отстань, Космос!.. Уйди!..

И вдруг из-за кустов Костя услышал гневный Валин голос:

— Да ведь Дынин без методразработок, без инструкций шагу ступить не может!..

Костя застыл.

Мгновенная решимость озарила его лицо. Он повернулся и со всех ног бросился назад.

Костя вбежал в кабинет Дынина. С эпическим спокойствием глядели на него с репродукции на стене три богатыря. Худой пионер «С чем приехали?» морщился, будто съел лимон, а толстяк «С чем уехали?» ухмылялся и напрягал бицепсы.

Костя подскочил к диаграмме и сорвал ее. За диаграммой оказался длинный коридор. С обеих сторон коридора — стенды, уставленные папками и кипами папиросной бумаги. Над правым стендом — «Инструкции», над левым — «Методразработки».

Костя бежал вдоль коридора, загребая

правой рукой инструкции, левой — методразработки.

— А, вот ты где! — раздался голос Дынина.

Костя с отчаянной решимостью принялся рвать ненавистные инструкции. Ключки папиросной бумаги взлетали вверх и падали к его ногам.

— Что ты наделал, Иночкин! — жалобно простонал Дынин. — Я ж без инструкций шагу ступить не могу.

Ноги Дынина приросли к полу. Он тянулся к Иночкину, извивался, почти касаясь лицом пола, но, как он ни старался, сдвинуться с места не мог.

— Он же без инструкций шагу ступить не может, — повторил Валин голос.

За кустами виднелись дощатые стены сарайчика — мастерской Гуся. Из узкого окна рвались яркие, как с маяка, лучи.

Костя подошел к окну.

В углу мастерской на высокой стремянке сидела Валя. На полу валялись разверстые формы — пионер с горном, пионер с барабаном. Но только не выпуклые, а вогнутые. Готовые пионеры, точнее — их нижние половины, были неуважительно сдвинуты к стене. Посреди комнаты стоял ствол толщенного дерева. Ствол почти доверху был покрыт корой. Сверху кора была сбита. Гусь, вооруженный долотом и киянкой, стоял на деревянном ящике и сильными ударами обрубал древесину.

— Ребята смотрят на меня такими вот глазами,— говорила Валя.— И задают вопросы.

— Задают вопросы,— без выражения повторил Гусь.— Выше подбородок.

Валя подняла голову. Гусь отошел в сторону, пристально взгляделся в Валию, потом вскочил на ящик и ударил киянкой по долоту.

— И если я им отвечу, то объективно...

— Объективно...— согласился Гусь, переводя пыливый взгляд с Валии на бревно и с бревна на Валию.

— Объективно получится...

Гусь замер на мгновение, прицелился и ударил по долоту.

— Объективно получится, что я подрываю авторитет начальника лагеря. А если я совру....

— Не надо врать,— строго сказал Гусь и точным движением резца наметил на деревянной болванке глаз.

— Но ведь ребятам скучно,— вскинула вдруг резко голову Валя.— Ведь ребята...

— Вот так и сиди!— завопил Гусь, глаза его засверкали. Решительными, точными движениями он стал крошить дерево.

...Вершина ствола превратилась в гордое, встревоженное девичье лицо. И эта скульптура была так же не похожа на гладких гипсовых пионеров, как ночной, вдохновенный Гусь на Гуся дневного, вялого.

— Не буду врать, ни за что не буду...— повторила Валя.

Она слезла со стремянки и стояла теперь рядом с Гусем. Запрокинув голову, глядела она вверх, на деревянную девушку. Гусь снова вскочил на ящик.

— И не надо,— басил он, ударяя киянкой по резцу.— Не надо, не надо...

Костя оторвался от окна, подошел к двери мастерской и решительно взялся за ручку.

Надпись на экране:

Так Костя Иночкин сменил квартиру.

Родители приехали на трех грузовиках и привезли с собой духовой оркестр. Музыканты долго вытряхивали слюну из труб и вдруг заиграли: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет мама...» А родители сразу же начали развязывать узелки, растащили детей по кустам и принялись втихую кормить их пирожками, яблоками и конфетами. Только бабка Иночкина металась в поисках внука от одного куста к другому, от одной группы к другой.

А групп этих было великое множество.

Одну худенькую девочку наперебой угощали мама, папа и тетя. Девочка мотала головой, и огорченные родители вынуждены были кормить друг друга.

Натянув между елками веревку, родители Димы Стабового увлеченно играли в бадминтон. Димка сидел на траве, разворачивал конфеты, откладывал их в сторону, а из оберток делал фантики.

Двое близнецов из одной бабки ели ва-

ренье, а их папа, воровато оглядываясь, наливал нечто из термоса в складной стаканчик и выпивал, не обжигаясь. Рядом валялся переносный радиоприемник и передавал «С добрым утром».

А по соседству несколько семей, скооперировавшись, устроили настоящий пикник. На траве была расстелена скатерть, играл патефон, а какая-то пара даже танцевала. Из-за кустов вдруг высунулись две руки со свежеподаренными пистолетами (коробочки от них валялись на траве), и грянул залп.

— Костя!.. Костя!.. — жалобно звала бабушка.

Она прошла мимо медпункта, где на ступеньках с медсумкой наготове сидела докторша. У докторши было каменное лицо, ее невидящие глаза были устремлены вдаль.

Бабушка миновала площадку, где папы и дяди в майках увлеченно резались в волейбол; прошла мимо турника, на котором качалась, пронзительно взвизгивая при каждом махе, чья-то мама; ее чуть было не ушибла четырехлопастная карусель, которую с восторгом раскручивали несколько малышей — на каждой лопасти примостились парочками папы и мамы и млели на солнышке.

Кости не было.

А в столовой начался концерт.

Лагерь — наша большая семья...

— старательно декламировали на сцене мальчишки третьего отряда.

По усеянной бумажками и другими остатками пиршеств обезлюдевшей зеленой лужайке бродила одинокая бабка Иночкина. Над кустами то и дело взвизывал волан, бабка заглянула туда. Папа и мама Стабовые все играли в бадминтон.

Вдруг раздался истошный лай. Космос, с остервенением бросался на дерево и царапал кору ствола.

Ветки шевелились, листва трепетала — там явно кто-то сидел.

Бабка опасливо обошла собаку.

На сцене стояло большое вырезанное из фанеры и раскрашенное «под объем» изображение ракеты. Из дырок-иллюминаторов выглядывали две мальчишечьи головы в скафандрах. Мальчишки старательно пели «Караваны ракет».

Вокруг ракеты хороводом бегали звездочки в остроугольных шапочках и кометы с хвостиками, медленно двигались планеты — Сатурн с кольцом, Марс в воинственном шлеме, а между ними, покачиваясь, Месяц с острым клоунским носом.

В зале аплодировали родители.

— Эту песню, товарищ Митрофанов, — наклонился Дынин к сидевшему рядом с ним в первом ряду немолодому человеку в белой рубашке с засученными рукавами, — Гагарин пел в космосе.

Митрофанов с неприязнью поежился и отодвинулся от Дынина.

Тоненькие ножки в сандаликах подбежали к заливающемуся Космосу. Наверху, на дереве, шевелилась листва. Там кто-то скрывается.

— Ага-а, понятно... — Ножки повернулись и побежали прочь.

Но тут из-за куста появился Марат. Он метнулся вслед за бегущими ножками.

Ножки петляли по траве, как заяц, удирающий от борзой. Но Марат не отставал. За ним мчались отдекламировавшие свое пионеры третьего отряда.

В конце аллеи Марат настиг ножки, прыгнул, сандалики поскользнулись, и худенькая фигурка растянулась в непросыхающей луже.

Ребята, тяжело дыша, следили, как она всхлипывала, они забегали со стороны, чтоб поглядеть, кто же это такой. Но узнать было невозможно — все лицо, майка, коленки были густо залепаны черной грязью, и даже нельзя было понять — мальчик это или девочка. Грязная, хнычущая фигурка встала и поплелась прочь. Все брезгливо расступились.

Подошел скупающий парень с профилем Гоголя.

— Что это вы делаете?

— Иди, иди, — сказали ему.

Парень ушел.

А на сцене была выстроена художественная пирамида. Барабаны били дробь, дрожали пружины на барабанной шкуре, дрожали от напряжения мальчики и девочки — участники пирамиды.

По асфальтовой дорожке, оставляя за собой грязные следы, брели тоненькие ножки.

На линейке замерли в ожидании пионеры и вожатые, родители и обслуживающий персонал.

— Начинаем парад-карнавал! — объявил с трибуны Дынин.

Он был в черном костюме и галстук. Его важность и сановитость казались нелепыми.

Дирижер встрепнулся, махнул палочкой. Грянул марш. На пороге кухни появилась сияющая повариха. Поймав такт, она двинулась по аллее, неся на вытянутых руках огромный торт. Из-за трибуны показались костюмированные. Их было немного. Впереди шагали «Небесные братья», за ними — «Серый волк», «Петух» и «Кот в сапогах». Шестые замыкал «Гороховый стручок», который не шел, а скакал. Зрители аплодировали.

Дынин перегнулся через перила трибуны и встревоженно зашептал:

— А где же «Царица полей»? Где Митрофанова?

Стоявший у трибуны завхоз недоуменно поднял к ушам огромные плечи.

Обойдя полный круг, костюмированные нестройной шеренгой стали перед оркестром. Дынин с опозданием скомандовал:

— Парад, стой!

Костюмированные растерянно топнули еще по одному разу и остановились уже окончательно. Оркестр смолк.

Зрители снова зааплодировали, и чей-то папа громко предложил:

— Первую премию «Небесным братьям».

И тут стали кричать все:

— «Коту в сапогах!»! — вопил младший отряд.

— «Петуху!»! «Петуху!»! — требовали девочки.

Дынин подозвал Валю:

— Где Митрофанова?

— Сейчас будет, — ответила Валя.

— Без сюрпризов не можете?! — Дынин был в гневе.

Валя хитро подмигнула Марату.

Марат незаметно вытащил рогатку, заложил в нее камень, завернутый в длинную шелковую ленту, натянул резину, и лента, раскручиваясь на лету, взвилась в небо.

Тотчас раздался грохот. Слега, запиравшая ворота, треснула, ворота распахнулись, железная табличка упала.

По главной аллее, уминая гравий, шел самоходный кукурузоуборочный комбайн. Его вел Митяй. Комбайн со всех сторон был облеплен деревенскими. Они были в белых рубашках и красных галстуках.

Грудью вперед браво!

Флагами небо оклеивай!

Кто там шагает правой?

Левой!

Левой!

Левой! —

вдохновенно вопили ребята, перекрывая треск мотора.

На верхней площадке комбайна, раскладываясь во все стороны, стояла «Царица полей». Вокруг нее, чуть ниже, расположился лагерный струнный квартет. Скрипачи и виолончелисты играли усердно, но их не было слышно — так грохотал оркестр.

Перед комбайном почетным эскортом бежала стайка девочек. Да не просто бежали, а скакали через прыгалки. А впереди всех с гимнастическим кольцом, увитым лентами, скакала Нелька. На девочках и в том числе, конечно, на Нельке, были венки из полевых цветов.

Пионеры, костюмированные и не костюмированные, родители, вожатые, повара и оркестранты бросились навстречу комбайну.

Удивленный и довольный Дынин стоял на трибуне и аплодировал. Он повернулся в сторону Вали и поаплодировал ей персонально. Валя улыбнулась в ответ, словно говоря — то ли еще будет.

Все обступили комбайн, на вершине которого стояла «Царица полей», и дружно скандировали:

— Первая премия! Первая премия!

Дынин поспешно спустился с трибуны, взял из рук повара торт и, приосанившись, торжественно двинулся к комбайну. Все расступились. Но Дынин торт почему-то «Царице полей» не отдал, а понес его дальше. Все недоуменно переглянулись. Пройдя еще несколько шагов, Дынин остановился перед товарищем Митрофановым и с поклоном протянул ему торт.

— А при чем здесь я? — удивился Митрофанов.

— А при том, товарищ Митрофанов, что «Царица полей» не кто иная, как ваша племянница!.. Откройся, «Царица полей»!

Скрипки грянули туш, и «Царица полей» скинула капюшон.

— Костя! Костя Иночкин!.. — закричали ребята. — Ура!..

Дынин был явно растерян.

— Опять Иночкин?!.. — опешил он.

Дружный хохот раздался в ответ.

— А сейчас... — Митрофанов с трудом перекрикивал поднявшийся гомон. — А сейчас, айда купаться. Смотрите, погода какая!..

Все посмотрели. Погода была действительно прекрасная. И все бросились к реке.

— И я купаться!.. И я купаться!.. — завопил чей-то голос из ветвей.

Все обернулись. Листва зашевелилась, и на нижний сук сползла Митрофанова. Спрыгнуть на землю она боялась и вопила изо всей мочи. Дядя Митрофанов на бегу снял племянницу, и они вслед за всеми побежали к реке.

— Куда вы, товарищи? — растерянно говорил Дынин, подсакивая с тортом в руках то к одному, то к другому. — Сейчас же не время купаться!..

Но все отмахивались от него и бежали дальше.

— Я же хотел как лучше, — говорил Дынин, — чтоб дети отдыхали, поправлялись, чтоб дисциплина была...

Но слушателей уже не было — все умчались к реке. Слышно было, как они плещутся там и хохочут.

Обессиленный Дынин с тортом в руках остался один на торжественной линейке, окруженный гипсовыми пионерами.

— Как же это, товарищи?..

А река уже кипела. Купальщиков становилось все больше и больше.

Костя с бабушкой стоял на высоком берегу. Он радостно наблюдал за купающимися. И вдруг взгляд его стал мечтательно рассеян.

А горнист заиграл сигнал. Очень веселый сигнал. И все стали прыгать через реку. А по ней буксир тащил баржу. Но это никому не мешало. Сигали так, что любо-дорого было смотреть. Как птицы летели. И старые, и малые, и вожатые, и родители, и даже сам товарищ Митрофанов. А красивей всех летела — знаете кто? — Костина бабушка. Когда она коснулась ногами земли, к ней подошел скользящий парень с профилем Гоголя.

— Чего это вы делаете? — спросил он.

— Мы прыгаем через реку, мальчик, — ответила бабушка, разбежалась и вновь прыгнула.

— А-а, — обрадованно сказал парень, разбежался и тоже полетел над рекой.

А горнист все трубил. И раструб его трубы так сверкал в лучах солнца, что хотелось зажмуриться.

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

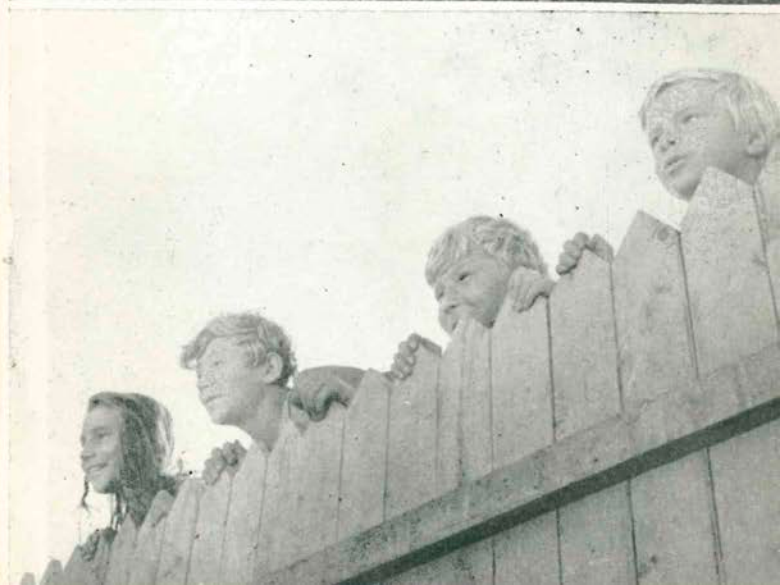
Фильм по сценарию С. Лунгина и И. Нусинова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» поставлен в 1964 году студией «Мосфильм».

Режиссер-постановщик — Э. Климов. Оператор — Ан. Кузнецов. Художники — Б. Бланк и В. Камский. Композиторы — М. Таравердиев, И. Якушенко. Звук-оператор — В. Зорин.

В ролях: Дынин — Евг. Евстигнеев, Валя — А. Алейникова, Гусь — И. Рутберг, докторша — Л. Смирнова, завхоз — А. Смирнов, длинноногая вожатая — Н. Шацкая, бабушка — Е. Мазурова, Митрофанов — В. Уральский, повариха — Т. Барышева, Костя Иночкин — Витя Косых, Неля — Люда Смеян, Митрофанова — Таня Прохорова, Лера — Лида Волкова, Венька — Юра Бондаренко, Шарафутдинов — Сережа Кокорев, Марат — Игорь Крюков, Стасик — Саша Машовец, Дима — Боря Демб, паренек с профилем Гоголя — Слава Царев, Митяй — Вова Бурдуков.

**КАДРЫ
ИЗ
ФИЛЬМА**

Семен Львович Лунгин
и
Илья Исаакович Нусинов
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
ИЛИ
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН.

М., «Искусство», 1964, 72 стр. Р 2

Редактор А. Г. Назарова
Оформление художника
Л. А. Витте
Художественный редактор
Г. К. Александров
Технический редактор
Е. Я. Рейзман
Корректоры

Н. А. Селезнева, С. И. Хайкина

Сдано в набор 17/VI 1964 г. Подп. в печ.
2/IX 1964 г. Форм. бум. 70×90¹/₃₂. Печ.
л. 2,5 (условных 2,93). Уч.-изд. л. 2,78.
Тир. 10 000 экз. Изд. № 15539. А09319
Зак. тип. 416. Цена 15 коп.

«Искусство», Москва, И-51, Цветной буль-
вар, 25. Московская типография № 20
Главполиграфпрома Государственного
комитета Совета Министров СССР по
печати. Москва, 1-й Рижский пер., 2

СЕМЕН ЛЬВОВИЧ ЛУНГИН
родился в 1920 году в Серпу-
хове. Окончив Государствен-
ный институт театрального
искусства имени Луначарского,
С. Л. Лунгин начал работать
режиссером в Московском дра-
матическом театре имени Ста-
ниславского.

Литературной деятельностью
С. Лунгин занимается с
1954 года. Вместе с И. Нуси-
новым им написаны пьесы
«Моя фирма» и «Дым без
огня».

Творческое содружество
С. Лунгина и И. Нусинова
продолжается до сих пор. Они
вместе пришли в кино и соз-
дали сценарии фильмов «Мич-
ман Панин», «Тучи над Бор-
ском», «Без страха и упрека»,
«Добро пожаловать или По-
сторонним вход воспрещен!» и
несколько сценариев для ко-
роткометражных фильмов.

ИСКУССТВО

